

Хранитель дома

Сергей Березин

Сергей Березин

Хранитель дома

<https://litres.ru/74464584>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы все когда-то знали то, о чём здесь написано. Знали кожей. Знали, пока нас не научили не знать. Что дом — живой. Что у вещей есть память. Что самые важные разговоры ведутся в тишине. Что нас могут любить так тихо, что мы принимаем эту любовь за сквозняк или игру света.

А потом мы выросли и поверили, что одиночество — это нормально. Что память — это просто архив. Что дом — это место для сна.

Как это читать?

Не спеша. Почти шёпотом. Как слушают биение собственного сердца в полной тишине.

Дайте себе право не глотать главы, а проживать их. Остановиться.

Эта книга — не побег из реальности. Наоборот.

Это — возвращение.

Она не подарит вам магических сил.

Она просто тихо скажет: они у вас уже есть.

Вы просто давно не называли их по имени.

Откройте. Сделайте первый шаг. Ваш хранитель уже ждёт.

Он очень соскучился.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Хранитель дома

Глава

Хранитель Дома

автор Березин Сергей Владимирович

Предисловие

Перед вами — инструкция по забытому чувству. Или ключ. Или, может быть, старый, запылённый фонарь, в котором ещё теплится огонёк.

Мы все когда-то знали то, о чём здесь написано. Знали кожей. Знали, пока нас не научили не знать. Что дом — живой. Что у вещей есть память. Что самые важные разговоры ведутся в тишине. Что нас могут любить так тихо, что мы принимаем эту любовь за сквозняк или игру света.

А потом мы выросли и поверили, что одиночество — это нормально. Что память — это просто архив. Что дом — это место для сна.

Как это читать?

Не спеша. Почти шёпотом. Как слушают биение собственного сердца в полной тишине.

Дайте себе право не глотать главы, а проживать их. Оста-

новиться.

Эта книга — не побег из реальности. Наоборот.

Это — возвращение.

Она не подарит вам магических сил.

Она просто тихо скажет: они у вас уже есть.

Вы просто давно не называли их по имени.

Откройте. Сделайте первый шаг. Ваш хранитель уже ждёт.

Он очень соскучился.

Глава 1. Домовой и пропавший паспорт

Все началось с того, что я опоздал на самолет. Нет, не в метафорическом смысле, а в самом буквальном. Рейс Москва–Стамбул, вылет в 07:30, а я в панике перерываю всю квартиру в 05:45, потому что паспорта нигде нет.

Обычная пятиэтажка на окраине, утро пятницы. За окном

еще темно, в животе — ледяной ком. Я метался из комнаты в комнату, выворачивая ящики, скидывая книги с полок, заглядывая под диван. Без паспорта я не только в Турцию не полечу — меня даже на регистрацию не пустят. А билеты не возвратные, отпуск сорван, деньги потеряны.

— Ну где же ты?! — закричал я в пустоту, пнув ногой стопку старых журналов.

И тут из-под пыльного комода, будто в ответ на мой вопль, донесся тихий, едва уловимый звук — мягкий шорох, словно бумага провела по дереву. Я замер, прислушался. Звук не повторился. Опустившись на колени, я заглянул в узкую щель между комодом и стеной. Оттуда, будто приглашая руку, слегка высовывался ровный, чистый уголок моего паспорта. Он не лежал, а скорее стоял, прислонённый к стенке комода, будто его только что туда поставили.

Я втиснул руку, ухватился за него и вытащил. Мой паспорт. Он был цел и невредим, хотя я был абсолютно уверен, что к комоду сегодня даже не подходил. Но времени на раздумья не было — такси гудело под окном. Я влетел в машину, молясь, чтобы пробки были милостивы.

Самолет я поймал буквально на последней минуте.

Отпуск прошел прекрасно: солнце, море, новые впечатления. Но странное происшествие с паспортом не выходило у меня из головы.

Вернувшись, я решил навести порядок. Разбирая завалы на балконе, я нашел старую коробку с бабушкиными веща-

ми. Среди выцветших фотографий и писем лежала тетрадка в клеенчатой обложке. Бабушкины записи, сделанные ее убористым почерком.

«Миша родился. Оставила домовому сахарку, чтобы дитя берег».

«15 июля 1978. Переехали в новую квартиру. Оставила возле батареи мисочку молока и корочку хлеба для домового. Пусть обживаете, присматривает за домом. Все говорят, суеверия, а я знаю — без хозяина дом сирота».

И дальше, на протяжении всех лет:

«Миша пошел в первый класс. Положила монетку блестящую — удачи в учении».

«Миша в армию уехал. Скучно в доме. Домовой, присмотри за ним там, где можешь».

Я сидел на балконе, и по спине бежали мурашки. Бабушка умерла, когда я вернулся из армии. Я помнил ее добрые руки и сказки на ночь, но никогда не воспринимал ее «странности» всерьез.

А потом я стал замечать мелочи.

Ключи, которые я вчера безуспешно искал час, сегодня лежат на самом видном месте.

Любимая кружка, которую я точно оставил в раковине, стоит чистая в шкафу.

А как-то раз зимним вечером, когда я работал допоздна, откуда-то из глубины квартиры донесся тихий, убаюкивающий гул — словно мурлыканье огромной кошки.

Иногда, особенно в тишине наступающего вечера, мне кажется, что в доме кто-то есть. Не просто скрипы старых половиц или шум воды в трубах. Кто-то живой.

И однажды этот "кто-то" решил показаться...

Я работал в тишине, уткнувшись в синеву экрана, когда впервые ощутил его. Не звуком — тишина оставалась кристальной. Не движением — воздух в комнате был недвижим. Это было внезапное знание, пронзившее пространство, как игла. Чувство пристального взгляда, упёршегося мне в затылок. Воздух за спиной сгустился, наполнился молчаливым, пушистым вниманием.

Сердце замерло, а потом обрушилось тяжёлым молотом в самое горло. Я оторвался от клавиатуры с ощущением, будто ломаю невидимую плёнку натянутости. Поворот головы дался с усилием.

Оно сидело на дубовой спинке дедовского кресла. Существо, сплетённое из полузабытого детства и тихой магии дома. На первый взгляд — просто крупный кот, пепельно-дымчатого цвета, в котором, казалось, растворилась пыль с балконных коробок и пепел давно потухшей печки. Но во второй миг картинка распадалась, отказывалась складываться в привычное. Его шерсть была не шерстью, а скорее мягким мхом или дымкой, клубящейся вокруг тёплого очертания. Уши — чуть острее, чем положено, и из одного торчал, как сухой листок, обломок нитки. А глаза... Глаза были не коша-

чьи. Два круглых уголька, абсолютно чёрных, но не пустых. В их глубине мерцал тихий, древний свет, словно отражение огня в печной заслонке. Он смотрел. И его пушистый, казалось бы, хвост плавно раскачивался, и в его движении была не кошачья грация, а неторопливая мудрость маятника или ползущего по стене солнечного зайчика.

Сознание споткнулось. Кот. Откуда кот? — слабо попыталось найти опору мозг. Но тут же, изнутри, поднялось другое, пронзительное знание. Это был не кот. Это была сама суть этого дома, его тихая душа, принявшая самую удобную, самую любимую в этих стенах форму. Форму тёплого, мурлыкающего существа, которое трётся о ноги и греется на печи.

И тогда волна узнавания накрыла с головой — мягко, как тёплое одеяло. И из-под неё, как давно забытая мелодия, всплыло то самое тихое мурлыканье из детства, которое я считал то ли сном, то ли шумом в ушах. А следом — и сказка, которую бабушка шептала мне, больному, глядя по голове: «А наш домовой, Мишенька, он как серый котик... Тихий-тихий, добрый-предобрый...»

Я не произнёс имени. Оно вернулось ко мне само, выплыв из самых тёплых глубин памяти, обросшее чувством уюта и абсолютной защищённости.

Домовой Сенья.

Глава 2. Безымянный

Меня забыли.

Это не случилось в один миг. Имя не сорвало ветром, не украли в темном переулке между мирами. Его стерли. По крошке. По пылинке. Тихим, равнодушным забвением.

Сначала ушел Петрович. Тот самый, что ворчал про «бабы суеверия», но сам, когда думал, что никто не видит, оставлял на ночь на табуретке кружку темного пива. Он называл меня просто: «Хозяин». Строго, с уважением. «Хозяин, присмотри». И я присматривал. За скрипящей половицей, чтобы не провалилась. За огнём в печи. За сном их первенца.

Потом — Она. Дочь Петровича. Анна Петровна. Она знала. Не просто верила, а видела краем глаза, чувствовала кожей. Для нее у меня было имя. Она вышла его тихим голосом в узор обыденных дел. «Сеня, гляди, пирог удался». «Сеня, ветер с севера, окна проверь». Оно звучало в шелесте ее юбки, в звоне ложки о край глиняной миски с молоком, в скрипе пера в той самой клеенчатой тетрадке. Сеня. Это было не просто слово. Это был клубок. Клубок тепла от печи, запаха сушеной мяты, тени от керосиновой лампы на стене, мелодии колыбельной. Это был мой якорь в этом доме, в этом мире. Я был не просто духом места. Я был Сеней. У меня было дело, долг и... любовь.

И когда пришла беда — тот дом сносили, — Она не потерялась. Не оставила духа на погибель вместе с стенами. В

день переезда, в суматохе упаковки, Анна Петровна взяла чистый льняной мешочек, насыпала туда горсть золы из родной печи, щепотку земли с порога, завернула старый медный пятак — монету, что всегда лежала под матицей для благополучия. Подозвала меня негромко, тем самым зовом, что проникает в самую суть. «Пойдем, Сенечка, на новое место. Не бросаю я своих». И я вошёл в этот узелок, в эту крошечную квинтэссенцию дома, позволил себя унести. Так она перевезла меня — не как вещь, а как тайну, как ответственность. Перевезла в эту новую, пахнущую краской и бетоном квартиру на окраине. И с первого же ведра оставила возле батареи мисочку молока и корочку хлеба. «Обживайся, хозяин. Дом без тебя — сирота».

И был еще один. Маленький, шуршащий, вечно юркий. Коргоруш. Нечисть, говорили некоторые. Мой помощник, знал я. Он сплелся когда-то из пыли за печкой, теней в углу и тихого стрекотания одинокого сверчка. Внешностью он походил на странного маленького паучка. Его тельце было округлым, бархатисто-серым, словно сшитым из вечерних сумерек, а длинные, тонкие лапки казались выточенными из старого, темного дерева. Вместо восьми ног — шесть, но двигались они с такой плавной, причудливой грацией, что это сходило за истинную паучью поступь. На спине у него проступал замысловатый, будто кружевной, узор, напоминающий морозный рисунок на стекле. А глазки — не восемь, а целая россыпь крошечных, словно маковые зернышки, бле-

сток, которые светились тихим, любопытным умом. Он не плел паутины. Он плел порядок. Находил потерянные иголки, сматывал в аккуратные клубочки одинокие нитки, вытаскивал закатившиеся под мебель монетки. Для него я был не «Сеней», а Большим Шуршом. И это тоже было имя. Простое, шершавое, как кора, но свое. Я давал ему крошки с человеческого стола, каплю меда на блюдечке, и он млел от счастья, тихо потрескивая, как тлеющая лучинка.

Потом пришла Тишина.

Сначала шумная, заполненная чужими голосами, хлопка-ми дверей, запахом чужой жизни. Потом — пустая. Дом замер, задохнулся. Пыль легла на мою суть, как саван. Я сжимался, становился тише тени, холоднее сквозняка. Без голоса, называющего тебя, имя начинает терять очертания. Без ритуала, без взгляда, признающего твое существование, оно рассыпается, как старая газета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.